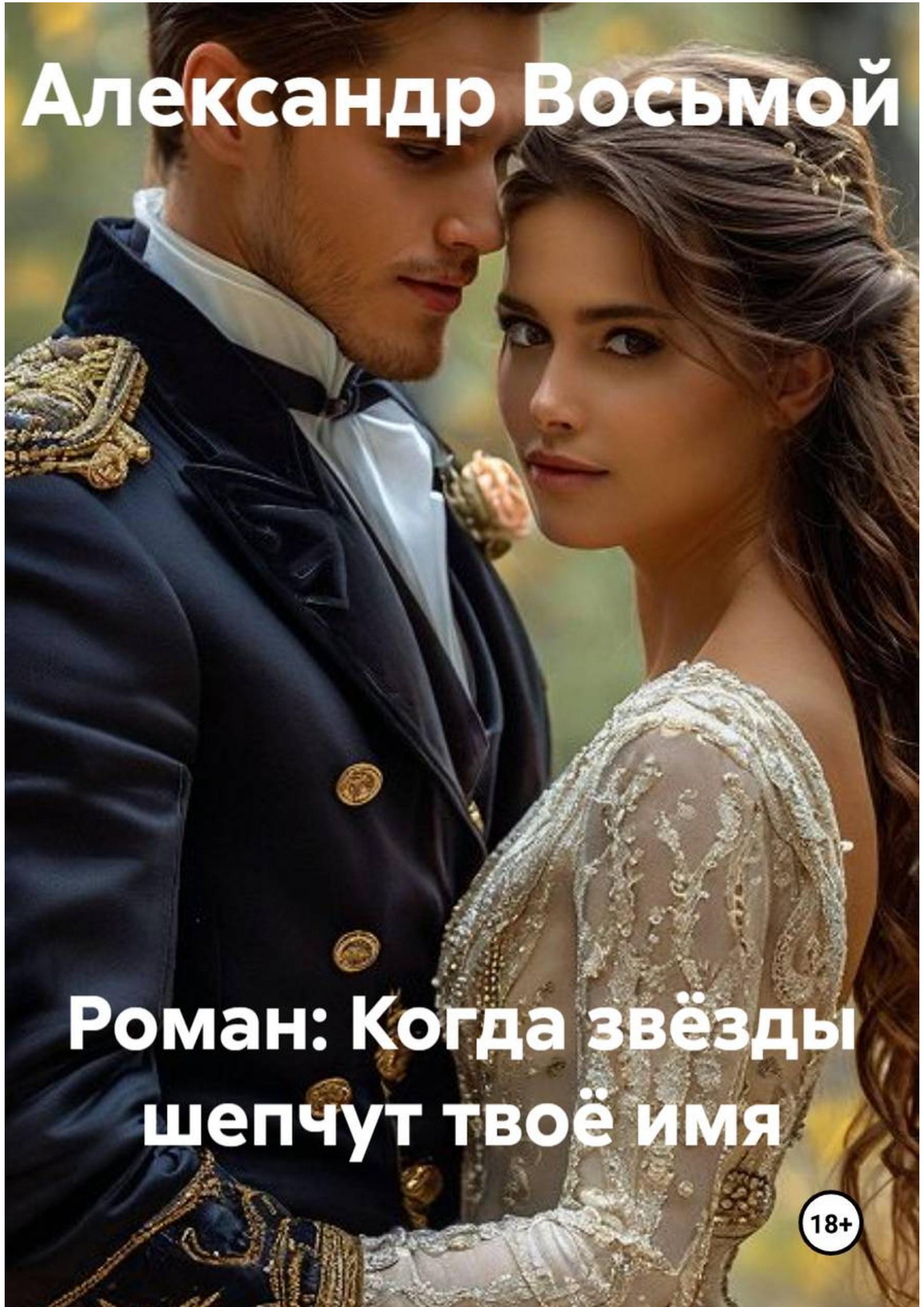

A romantic scene between a man and a woman. The man, on the left, is wearing a dark blue military-style jacket with gold epaulettes and buttons, over a white shirt and a dark bow tie. He has a light beard and is looking down at the woman. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a light-colored, possibly white or silver, dress with intricate lace or embroidery. She is looking up at the man with a soft expression. The background is a soft, out-of-focus green, suggesting an outdoor setting.

Александр Восьмой

Роман: Когда звёзды
шепчут твоё имя

18+

Александр Восьмой

**Роман: Когда звёзды
шепчут твоё имя**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Роман: Когда звёзды шепчут твоё имя / А. Восьмой — «Автор», 2026

Главный герой Оптима и Наталия Новикова. Оптима привык побеждать в делах и просчитывать каждый шаг, но одна случайная встреча с Наталией переворачивает его мир: она не поддаётся его привычным приёмам, не смотрит на него как на трофей — и именно это разжигает в нём настоящую страсть. Между ними вспыхивает игра взглядов и недоговорённостей, где каждое слово — намёк, а каждый шаг — риск. Смогут ли они перестать играть и услышать друг друга, пока не стало слишком поздно?

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Роман: Когда звёзды шепчут твоё имя

Глава 1. «Случайная встреча, которой не могло быть»

Дождь хлестал по городу, будто хотел смыть с него всю напыщенную уверенность, все фальшивые улыбки и тщательно выстроенные фасады. Капли били по крышам, по асфальту, по стёклам витрин, превращая улицы в дрожащий, переливающийся лабиринт из отражений. Неоновые огни расплывались в воде, тянулись длинными полосами, похожими на следы комет, — и в этом хаосе каждый прохожий казался призраком, скользящим между мирами.

Оптимист шёл, не замечая ни дождя, ни ветра. Его зонт был сложен — он не любил, когда что-то мешает обзору. В левой руке он сжимал папку с документами, над которыми корпел последние три недели. Каждая страница была выверена, каждая цифра — перепроверена, каждый шаг — просчитан. Для него не существовало случайностей: только вероятности, только стратегии, только победы. Он привык, что мир подчиняется логике, а люди — мотивам, которые можно вычислить.

Он свернул за угол, ускоряя шаг: до встречи оставалось семь минут, и он не мог позволить себе опоздать даже на тридцать секунд. Асфальт под ногами стал скользким, лужи разлетались брызгами, но он не сбавлял темп. И вдруг — резкий толчок, глухой стук, мгновенное ощущение потери опоры.

Оптимист едва не упал. Папка выскользнула из пальцев и шлёпнулась в лужу, раскрывшись, как раненая птица. Листы мгновенно потемнели от воды, края поползли, чернила начали расплываться.

— Ой! Простите... я не...

Голос прозвучал совсем рядом — не испуганный, не заискивающий, а будто слегка удивлённый, как будто сама ситуация казалась ей нелепой, почти забавной.

Он поднял глаза.

Перед ним стояла девушка. Мокрые пряди волос прилипли к вискам, но она даже не пыталась их убрать. На плечах — лёгкий плащ, который уже не спасал от дождя, а только подчёркивал хрупкость силуэта. В её взгляде не было ни подобострастия, ни попытки понравиться, ни даже обычного смущения, какое бывает у тех, кто боится вызвать недовольство. Она смотрела на него прямо, чуть склонив голову, и на губах играла едва заметная улыбка — та самая, от которой у него вдруг сбилось дыхание.

Наталия.

Позже он будет вспоминать это имя как точку отсчёта, как миг, когда всё пошло не по плану. Но в ту секунду он не знал ни её имени, ни того, как она изменит его жизнь. Он видел только, как капли стекают по её лицу, как в её глазах отражается неоновый свет, и как эта улыбка будто хранит какой-то секрет — секрет, который ему вдруг отчаянно захотелось разгадать.

Она присела, не задумываясь о том, что испачкает колени, и начала собирать листы. Движения были быстрыми, но не суетливыми — в них чувствовалась спокойная уверенность.

— Не надо, — резко бросил он, сам не понимая, почему голос прозвучал жёстче, чем хотелось. — Я сам.

Но она не послушала. Взяла ещё один лист, провела пальцем по размытой строке, будто пытаясь прочитать то, что уже невозможно было прочесть.

— Похоже, ваш план на ближайшие полчаса только что утонул, — сказала она, и в её голосе не было ни капли язвительности — только лёгкая ирония, которая почему-то не раздражала, а заставляла прислушаться.

Оптимизм замер. Обычно, когда кто-то позволял себе даже намёк на шутку в его адрес, он отвечал холодно, чётко, так, чтобы больше не возникало желания шутить. Но сейчас слова застряли в горле. Потому что она не смотрела на него как на начальника, как на важного человека, как на трофей, который хочется заполучить. Она смотрела на него... как на обычного прохожего, который попал под дождь. И в этом было что-то обезоруживающее.

Он наклонился, чтобы помочь, и их пальцы на мгновение соприкоснулись над мокрым листом. Это было едва уловимое касание — на долю секунды, не дольше. Но в эту долю секунды весь его мир, такой выверенный и предсказуемый, вдруг дрогнул.

— Знаете, иногда самое важное случается именно тогда, когда ничего не запланировано, — тихо сказала она, поднимаясь и отряхивая руки. Её взгляд скользнул по его лицу, задержался на секунду дольше, чем нужно, и снова ушёл куда-то в сторону, к огням витрины, где между книг мерцал одинокий фонарь.

Оптимизм хотел что-то ответить — что-то остроумное, что-то такое, что вернёт ему контроль над ситуацией. Но слова не находились. Вместо этого он просто смотрел, как она делает шаг назад, потом ещё один, как дождь рисует вокруг неё полупрозрачный ореол.

— Простите ещё раз, — сказала она уже на ходу, не оборачиваясь, но как будто зная, что он всё равно смотрит ей вслед. — Надеюсь, ваши документы не слишком пострадали.

И ушла.

Только тогда он заметил, что папка лежит у его ног, а листы в ней — бесполезные, размытые, испорченные. Как будто сама судьба взяла и стёрла его идеальный план.

А ещё он заметил запах. Тонкий, едва уловимый аромат — не духов, не отдушек, а чего-то своего, личного: дождя, свежести, чего-то, что невозможно воспроизвести. Этот запах остался в воздухе, когда она исчезла за поворотом, смешавшись с мокрым асфальтом и неоновым светом.

Оптимизм стоял под дождём, не чувствуя холода, и впервые за долгое время не знал, что делать дальше. Его расписание рушилось, документы были испорчены, встреча, скорее всего, сорвётся. Но вместо привычной злости он чувствовал странное, непривычное волнение — будто перед ним открылась дверь в комнату, о существовании которой он даже не подозревал.

Он посмотрел на угол, за которым скрылась Наталия, и вдруг понял: он не запомнил ни её фамилии, ни номера телефона, ни даже толком её лица — только эту улыбку, этот взгляд и ощущение, что мир стал чуть менее предсказуемым. И впервые в жизни эта непредсказуемость не пугала его. Она манила.

Подняв папку, он медленно пошёл вперёд, но теперь его шаги были другими — не такими выверенными, не такими уверенными. В его безупречном расписании появилась первая трещина. И в эту трещину уже просачивался свет.

Глава 2. «Кофе, который меняет правила»

Кофейня пряталась в узком переулке, будто нарочно скрываясь от суеты большого города. Здесь не было кричащих вывесок и ярких огней — только тёплый свет из окон, пробивающийся сквозь запотевшие стёкла, и густой аромат свежемолотого кофе, который обволакивал, как старое шерстяное пальто в прохладный вечер. Оптимизм знал такие места: тихие, камерные, где каждый посетитель кажется немного загадочным, а разговоры звучат тише, чтобы не спугнуть атмосферу.

Он пришёл не случайно. Точнее, он убедил себя, что это не случайность. После той встречи под дождём он не мог выбросить из головы её улыбку — ту самую, в которой прятался секрет. Он не привык к вещам, которые не мог объяснить, и это раздражало. А ещё сильнее раздражало то, что он вообще об этом думает.

Оптимист вошёл, стряхнул капли с плеч, огляделся. Пространство было небольшим: несколько столиков у окон, пара уютных кресел в углу, стойка бариста, за которой ловко крутился парень в фартуке. И среди этого тихого уюта — она.

Наталия сидела у окна, подперев щеку ладонью, и листала потрёпанную книгу. На столе перед ней стоял высокий стакан с латте, по стенкам которого медленно стекали тонкие струйки молочной пены. Она выглядела так, будто весь мир мог подождать, и ей совершенно не было дела до того, что где-то там, за пределами этого маленького островка тепла, всё несётся вперёд на бешеной скорости.

Сердце Оптимиста на мгновение пропустило удар. Не от волнения — он не верил в волнение. Скорее от неожиданности: как будто реальность вдруг подбросила ему доказательство того, что он не всё контролирует.

Он подошёл к стойке, сделал заказ — не глядя на меню, наугад. Потом, словно между делом, спросил у бариста:

— Девушка у окна... она часто сюда заходит?

Бариста усмехнулся, будто слышал этот вопрос не в первый раз.

— Каждую среду. И всегда берёт латте. Говорит, что в нём есть своя геометрия — ровно столько молока, сколько нужно, чтобы смягчить горечь дня.

Оптимист хмыкнул. В этом была вся она — находить поэзию там, где другие видели просто напиток.

Он взял свой кофе и направился к её столику. Остановился на секунду, собираясь с мыслями. Обычно у него был целый арсенал фраз: лёгких, остроумных, рассчитанных на нужный эффект. Но сейчас все заготовленные реплики казались фальшивыми, как дешёвые декорации.

— Можно? — он кивнул на свободное место напротив.

Наталия подняла глаза, и на её лице мелькнуло лёгкое удивление, которое тут же сменилось спокойной улыбкой.

— А, это вы. Тот самый человек, чьи документы проиграли дождю.

В её голосе не было ни упрёка, ни кокетства — просто констатация факта, сказанная с той самой интонацией, которая заставляла его прислушиваться.

— Они действительно проиграли, — признал он, садясь. — Но я решил, что пора попробовать что-то менее предсказуемое.

— Например, кофе? — она приподняла бровь, глядя на его чашку.

— Например, разговор без повестки дня.

Она рассмеялась — тихо, искренне, без желания произвести впечатление. Этот смех был как глоток свежего воздуха после душного офиса.

— Знаете, это звучит почти как признание слабости.

— Или как смелость признать, что не всё можно просчитать.

Их взгляды встретились, и в этой короткой паузе повисло что-то большее, чем просто вежливость. Это был вызов — тихий, едва уловимый, но вполне реальный.

Разговор начался с банального: какой кофе она любит, почему именно эту кофейню, что читает. Но с каждым словом он чувствовал, как привычные приёмы обаяния рассыпаются, словно песок сквозь пальцы. Когда он пытался мягко направить беседу в нужное русло, она ловко уходила от прямого ответа, оставляя ему лишь намёки, которые хотелось разгадывать. Когда он делал комплимент, она принимала его не как трофей, а как интересную мысль — и тут же задавала встречный вопрос, заставляя его задуматься о собственных словах.

— Вы всегда так стараетесь всё контролировать? — спросила она, помешивая ложечкой остывающий латте.

Оптимист замер на секунду. Вопрос был простым, но попал точно в цель.

— Приходится. В моей работе иначе нельзя.

— А если работа мешает жить?

Он хотел ответить что-то остроумное, что-то, что вернёт ему преимущество в этой словесной дуэли. Но вместо этого поймал себя на том, что хочет ответить честно.

— Тогда приходится выбирать. Или думать, что выбрал.

Наталия кивнула, будто услышала именно то, что хотела.

— Иногда мне кажется, что мы все живём по чужим сценариям. Садимся в метро, идём на работу, пьём кофе — и думаем, что это наш выбор. А на самом деле просто следуем привычке.

— И вы не следуете?

— Стараюсь замечать, когда привычка становится клеткой.

Они замолчали, но тишина не была неловкой. Она была наполненной — как пауза между двумя аккордами, когда воздух дрожит от ожидания следующего звука.

Оптима смотрел на неё и понимал, что впервые за долгое время ему не хочется выигрывать этот разговор. Ему хотелось понять её. Не как задачу, которую нужно решить, не как препятствие, которое нужно преодолеть, а как человека, в котором есть что-то настоящее, живое, ускользающее от любых расчётов.

Когда Наталия встала, чтобы уйти, он почувствовал лёгкое беспокойство — будто боялся, что она снова исчезнет, оставив после себя только аромат кофе и ощущение чего-то недосказанного.

— Спасибо за компанию, — сказала она, надевая лёгкую куртку. — Иногда полезно встретить кого-то, кто не пытается сразу всё разложить по полочкам.

— Подождите, — он сам не ожидал, что скажет это. — Можно я... провожу вас?

Она улыбнулась той самой улыбкой, в которой снова прятался секрет.

— Только если пообещаете не строить маршрут по навигатору. Пусть будет просто дорога — куда глаза глядят.

Он кивнул, чувствуя, как внутри что-то меняется. Его привычный мир, выстроенный по минутам и задачам, трещал по швам. И впервые эта трещина не пугала его. Она манила.

Они вышли на улицу, где город уже зажигал вечерние огни, и пошли вперёд, не торопясь, не оглядываясь на часы. Оптима вдруг понял: этот кофе действительно изменил правила. Он больше не хотел просто побеждать. Он хотел разгадать её — каждую улыбку, каждую паузу, каждый взгляд. И в этом желании было что-то гораздо более важное, чем любая победа.

Глава 3. «Город как сообщник»

Ночь накрыла город плотным плащом из темноты и света — чёрное полотно, прошитое неоновыми нитями, дрожащими от ветра и гула проезжающих машин. Улицы, днём казавшиеся просто маршрутами от точки А к точке Б, теперь превращались в лабиринт соблазнов: каждый переулок шептал свои тайны, каждая витрина обещала что-то новое, а тени, падающие на асфальт, будто подталкивали вперёд — туда, где кончается привычное и начинается приключение.

Оптима шёл рядом с Наталией и впервые в жизни чувствовал себя не капитаном корабля, уверенно рассекающего волны, а пассажиром, который не знает маршрута, но отчего-то совсем не боится. Он привык планировать: десять шагов вперёд, три запасных варианта, холодный расчёт вероятностей. Но Наталия не вписывалась ни в один из его сценариев. Она двигалась свободно, будто город был её союзником, а не просто фоном.

— Просто посмотрим на огни, — сказала она, когда он спросил, куда они идут. — Иногда достаточно просто смотреть.

Он хмыкнул, стараясь сохранить хотя бы видимость контроля.

— А если мы заблудимся?

— Тогда найдём что-то интересное. Заблудиться — это ведь тоже способ открыть новое.

Они свернули с главной улицы в узкий переулок, где неоновая вывеска старой закусочной мигала так ритмично, что казалось, будто она отбивает такт их шагам. Красный свет лёг на

лицо Наталии, окрасив её профиль в оттенок спелой вишни, потом сменился синим — и она вдруг стала загадочной, почти чужой, и от этого ещё более притягательной. Оптима поймал себя на мысли, что хочет запомнить её во всех этих цветах — как серию кадров, которые нельзя повторить.

— Ты всегда так легко относишься к потерянному времени? — спросил он, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как лёгкая шутка, а не как упрёк.

Наталия остановилась у стены, где кто-то нарисовал граффити: птица с крыльями из городских огней. Она провела пальцем по контуру рисунка, будто проверяя, настоящий ли он.

— Время не теряется, если ты в нём что-то чувствуешь. Пять минут у этой стены могут стоять целого дня в офисе.

Он хотел возразить — привычка спорить ради победы тянула за язык. Но вместо этого он просто посмотрел на неё и вдруг понял: она не пыталась его переубедить. Она просто жила по другим правилам. И эти правила ему хотелось выучить.

Они поднялись по пожарной лестнице на крышу небольшого здания — Наталия знала этот путь, будто бывала здесь тысячу раз. Сверху город раскинулся, как карта несбывшихся желаний: огоньки окон мерцали, как далёкие звёзды, мосты светились тонкими линиями, а река отражала небо, будто пыталась удержать его в себе.

Оптима стоял у края, чувствуя, как ветер треплет воротник пальто, и пытался подобрать слова, которые не звучали бы банально.

— Отсюда всё кажется таким... неважным, — наконец произнёс он.

— Или наоборот — очень важным. Просто масштаб другой. Снизу ты видишь только двери и вывески. Сверху — целые миры.

Он повернулся к ней. В свете далёких огней её глаза казались бездонными.

— Ты будто родилась в этом городе. Как будто знаешь все его секреты.

Она улыбнулась, но не ответила сразу. Вместо этого подошла к невысокому парапету и оперлась на него, глядя вдаль.

— У каждого города есть свои истории. Этот шепчет их тем, кто умеет слушать. Я просто не тороплюсь.

Оптима почувствовал, как внутри него что-то сдвигается. Не раздражение от потери контроля, не желание вернуть всё на свои места, а странное, почти забытое чувство — любопытство. Ему хотелось узнать, какие истории шепчет этот город ей. Что она слышит в шуме ветра, в гуле машин, в тишине между словами.

Они спустились вниз, снова нырнули в лабиринт улиц. Наталия вела его туда, где не было туристов и ярких афиш: в тихие дворы, где на верёвках сушилось бельё, в подворотни, где пахло дождём и старыми книгами, на мосты, с которых было видно, как город дышит. Каждый поворот открывал новый ракурс друг на друга: вот она смеётся над его попыткой выглядеть невозмутимым, вот он замирает, заметив, как она на секунду становится серьёзной, будто вспоминает что-то важное.

В какой-то момент они оказались у маленького киоска, где продавали горячий шоколад в бумажных стаканчиках. Наталия взяла два, протянула один ему.

— Это мой секретный способ согреться. Попробуй.

Он сделал глоток — горячий, густой, с лёгкой горчинкой. И вдруг почувствовал, как напряжение, которое он носил в себе годами, начинает таять.

— Знаешь, я обычно не гуляю по ночам, — признался он, сам удивляясь, что говорит это вслух.

— Почему?

— Боялся пропустить что-то важное. Думал, что если не буду бежать, то отстану.

— А сейчас?

Он посмотрел на неё, на огоньки, отражающиеся в её волосах, на город, который вдруг стал не врагом, отбирающим время, а союзником, дарящим моменты.

— Сейчас мне кажется, что я впервые ничего не пропускаю.

Она кивнула, будто слышала именно то, что хотела.

Они шли дальше, и город продолжал играть с ними, подкидывая неожиданные повороты, случайные встречи, тихие уголки, где можно было остановиться и просто постоять, слушая, как ночь шепчет свои истории. Оптима больше не пытался просчитать следующий шаг. Он позволял себе идти туда, куда ведёт Наталия, и с каждым метром чувствовал, как рушатся стены его привычного мира.

Когда первые признаки рассвета начали пробиваться сквозь темноту, они остановились у набережной. Вода была тёмной, почти чёрной, но в ней уже дрожали отблески утреннего неба.

— Пора домой, — тихо сказала Наталия, зябко кутаясь в куртку.

Оптима кивнул, хотя ему совсем не хотелось, чтобы эта ночь заканчивалась.

— Спасибо, что показала мне город, — произнёс он, стараясь вложить в эти слова больше, чем они обычно значили.

— Он сам хотел тебе показаться. Я была просто проводником.

Она улыбнулась той самой улыбкой, в которой по-прежнему прятался секрет. И прежде чем он успел что-то добавить, она легко коснулась его руки — на мгновение, едва ощутимо — и пошла прочь, растворяясь в предрассветной дымке.

Оптима остался стоять у воды, чувствуя тепло этого лёгкого касания, и понимал: эта прогулка была не просто прогулкой. Это была игра без правил, в которую он вступил добровольно. И впервые в жизни он не хотел выиграть. Он хотел играть дальше — столько, сколько позволит город, столько, сколько позволит она.

Глава 4. «Ловушка из комплиментов»

Оптима привык побеждать там, где другие сдавались. В делах, в переговорах, в умении держать ситуацию под контролем — он всегда знал, какой шаг сделать, чтобы получить нужный результат. И теперь, когда речь зашла о Наталии, он решил действовать по привычной схеме: безупречный план, выверенные акценты, эффектные штрихи, которые не оставляют шансов на равнодушие.

Он выбрал ресторан, о котором говорили шёпотом, будто само название было паролем в закрытый мир избранных. Здесь не было кричащей роскоши — только сдержанная элегантность: приглушённый свет, тёмное дерево, серебро приборов, отполированное до зеркального блеска. Каждый элемент пространства работал на ощущение исключительности — и Оптима знал, как этим пользоваться. Он заранее согласовал меню, выбрал вино, которое, по мнению сомелье, идеально раскрывало вкус каждого блюда, и даже попросил, чтобы их столик стоял у окна, откуда открывался вид на город, раскинувшийся внизу, как драгоценность в бархатной шкатулке.

Когда Наталия вошла в зал, он на секунду забыл все заготовленные фразы. Она не надела ничего кричащего, ничего, что могло бы соревноваться с блеском ресторана. Просто чёрное платье, простое, но сидящее так, будто оно было создано специально для неё. В её походке не было ни нарочитой грации, ни желания произвести впечатление — только спокойная уверенность, которая обезоруживала сильнее любой эффектной позы.

— Ты выглядишь потрясающе, — произнёс он, подавая ей руку, и тут же мысленно поморщился: фраза прозвучала чуть более шаблонно, чем хотелось.

Наталия улыбнулась — не восторженно, не смущённо, а так, будто видела что-то забавное в его стараниях.

— Спасибо. Но знаешь, я люблю, когда комплименты говорят не про платье, а про что-то, что нельзя увидеть глазами.

Он замер на мгновение, сбитый с ритма. Обычно после такого комплимента женщины слегка опускали глаза, благодарили, позволяли ему вести разговор дальше. Наталия же смотрела прямо, чуть склонив голову, и ждала не продолжения лести, а чего-то настоящего.

Они сели, официант бесшумно подал меню, но Оптима уже знал, что не будет смотреть в него. Он хотел произвести впечатление знанием её вкусов, хотел показать, что помнит каждую мелочь, каждый намёк, который она когда-либо обронила.

— Я заказал то, что, как мне кажется, тебе понравится, — сказал он, стараясь, чтобы это прозвучало не как контроль, а как забота.

Наталия кивнула, но в её взгляде мелькнуло что-то похожее на лёгкое любопытство — будто она наблюдала за ним, как за интересным экспериментом.

— Интересно. А если я скажу, что сегодня мне хочется чего-то совершенно другого? Чего-то простого, вроде пиццы на углу улицы?

Он чуть не рассмеялся от неожиданности, но вовремя сдержался. Это был не каприз, не попытка его поддеть — просто спокойное напоминание о том, что её желания не обязаны вписываться в его идеальный план.

— Тогда мы пойдём и съедим эту пиццу, — неожиданно для самого себя ответил он.

Она улыбнулась шире, и в этой улыбке не было ни торжества, ни желания победить. Только искреннее тепло.

— Ладно, сегодня я готова остаться здесь. Но только если ты пообещаешь, что в следующий раз мы не будем выбирать место по рейтингу.

Он кивнул, чувствуя, как напряжение, которое он сам же и создал, начинает таять.

Ужин шёл по сценарию, который он так тщательно продумал: лёгкие беседы, изящные паузы, тонкие комплименты, которые должны были звучать не как заученные фразы, а как откровения. Он говорил о её умении видеть красоту в мелочах, о том, как она чувствует город, о её смехе, который, казалось, разгонял любую неловкость. И каждый раз, вместо ожидаемого восторга, Наталия отвечала не благодарностью, а вопросом — таким, который заставлял его задуматься о собственных словах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.